

РЕЦЕНЗИИ

Г.Ф. Благова. "Бабур-наме". Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М., Восточная литература. 1994. 404 с.

В сложное время, переживаемое Россией, когда державные и региональные патристические акции перемежаются с всплесками агрессивного национализма, когда в определенном смысле естественные стремления к политической и культурной самостоятельности больших и малых народов сознательно или неосознанно вводятся в русло изолированного самолюбования и обособления, обращение к нерусской тематике в традиционных отечественных изданиях — пример, достойный подражания.

Русский человек, сознание которого не обременяют достаточно разумные, но неразумно толкуемые хитрыми политиками идеи евразийской принадлежности России, давно пришел к пониманию того, что его национальной гордости суждено не только мириться с щедро подаренными многовековыми реалиями, но и активно способствовать тому, чтобы эти реалии становились составной частью его собственной истории. А.И. Герцен, затронувший тему об особом положении России в одном из сочинений, очень своеобразно и вместе с тем глубоко осмысленно выразил свое отношение к ней. "Из Европы, — пишет он, — Россия казалась азиатской, из Азии — европейской, и этот дуализм вполне соответствует ее характеру и ее судьбе, которая между прочим, заключается в том, чтобы стать великим караван-сараям между Азией и Европой" [Герцен 1919 : 314]. Смысл приведенного высказывания очевиден и прост; интерес русского, или шире российского, человека к истории населяющих Россию народов и народов сопредельных стран, до недавнего времени составлявших единое государство — Советский Союз, подпитывается не случайными конъюнктурными соображениями, он — естественное следствие расширенного, вселенского восприятия им своего неповторимого прошлого. Г.Ф. Благова успешно материализовала этот интерес подготовкой и изданием монографии и, как бы мы не относились к ее отдельным выска-

зываниям, выводам и толкованиям иллюстративного материала, в целом монография заслуживает высокой оценки и как полезное пособие для тюркологов, и как свидетельство сохранения лучших традиций отечественного востоковедения.

Продолжительное время Г.Ф. Благова занималась изучением богатого по содержанию и ценного в лингвистическом отношении средневекового сочинения "Бабур-наме", автор которого Захир-ед-Дин Мухаммед Бабур (1483—1530 гг.) вошел в мировую историю как крупный государственный деятель, основавший в Индии династию Великих Моголов, как выдающийся писатель, поэт, ученый.

Бабур — уникальное явление позднего Средневековья и, говоря о "Бабур-наме", нельзя не обратить внимание на личность автора, соединившего в себе жестокость воина с духовным богатством и божественной силой воображения светского человека. Будучи типичным представителем своего времени, он не отличался ни мягкостью характера, ни избытком доброты, и нет нужды даже пытаться искать какие-нибудь выделяющие его из соответствующего тимуридского окружения человеческие черты. Их нет и не могло быть, и не только у Бабура. Завоевания Чингиз-хана, походы крестоносцев, царствование Ивана Грозного отразили эпоху, в которую подавлялись лучшие качества человека, и философские размышления, литературные пристрастия были, как правило, достоянием узкого круга людей. Достаточно одного высказывания Бабура, чтобы образ его с этой стороны был воспринят правильно и полно. "Мы приказали, — повествует он в "Бабур-наме", — чтобы они сделали башню из голов этих афганцев" [Beveridge 1905: 239a]. Напомню, подобные башни — "фирменные" сооружения тимуридов.

Литературная деятельность Бабура не ограничилась сочинением "Бабур-наме", он — автор разного рода переложений, трактатов. Бабур увлекался поэзией и был крупным

знатоком 'аруза, о чем свидетельствуют его замечания по поводу нарушений в размерах, допущенных многими поэтами, включая Нава' и, поэтическую деятельность которого он оценивал чрезвычайно высоко ("Человека, подобного Алишер-беку, не было. С тех пор, как сочиняют по-тюркски стихи, никто не сочинял так много и так хорошо") [Щербак 1969 : 156]. Чтобы показать широту филологических интересов Бабура, следует еще упомянуть о специфической разновидности письма — "хатти Бабури", изобретенной и примененной им, в частности, для составления списка корана [Щербак 1983: 76—77].

Рецензируемая монография состоит из двух частей, предваряемых обширным введением.

Введение (с. 3—44) содержит очерк истории изучения "Бабур-наме" в России, описание результатов лингвотекстологического обследования списков и изданий "Бабур-наме", а также подробные сведения о списке Г.-Я. Кера и Хайдарабадском списке, о двух изданиях текста по этим спискам, осуществленных А.С. Беверидж и Н.И. Ильминским. К сожалению, отсутствует информация о других списках, не идущих ни в какое сравнение с двумя названными выше, но все же имеющих некоторую научную ценность.

В первой части (с. 45—248), посвященной интерпретации текста "Бабур-наме" как памятника чагатайского литературного языка рубежа XV—XVI веков, основное внимание уделено описанию языковых средств, образующих текст, рассмотрению его структурных особенностей, способов и приемов организации его, анализу лексического состава. Наибольший интерес в ней представляет богатый фактический материал, используемый для подкрепления тех или иных высказываний и выводов автора. Вероятно, не ошибусь, если скажу, что значительная часть текста "Бабур-наме" воспроизведена в монографии с переводом и комментариями, и таким образом читатель-тюрколог имеет возможность выразить свое отношение и к языку оригинала, и к способам его передачи. Не кажется в достаточной мере оправданным увлечение Г.Ф. Благовой текстологическим анализом "Бабур-наме" с привлечением технического аппарата новейших концепций лингвистического текста. Обилие "экзотических" терминов и терминологических выражений, нарочитая изощренность в формулировке теоретических положений не способствует четкому восприятию ее научных идей, а напротив, затрудняют понимание их. Необходимо также заметить, что "Бабур-наме" — не художественное произведение, а оригинальный жанр дневниковых записей и поэ-

тому говорить о четко выраженной коммуникативной установке Бабура, о его "коммуникативно-творческой стратегии" и глубоко осознанном им выборе адресата (с. 53, 63), пожалуй, не стоило бы. Бабур, как подчеркивает он сам, писал на языке, доступном пониманию его окружения, придерживаясь определенных принципов и правил лишь в изложении событий, описании мест, где они происходили, в характеристике действующих лиц.

Содержанием второй части (с. 249—373) является описание морфологии языка "Бабур-наме", формальное и с учетом функционально-стилистической нагрузки различных аффиксальных морфем и грамматических классов. Попутно Г.Ф. Благова излагает свои наблюдения относительно частных вопросов исторической грамматики тюркских языков. Все сведения, касающиеся особенностей морфологии текста и способов выражения грамматических значений отличаются исчерпывающей полнотой, и именно в этом рецензент видит основное достоинство данной части книги, содержащий же в ней фактический материал сам по себе хорошо известен.

Возвращаясь к оценке рецензируемой монографии в целом, сделаю ряд критических замечаний по характеру изложения, теоретическим обобщениям, переводу примеров.

Трудно согласиться с тем, что "имя без показателя множественности не является формой единственного числа" (с. 252). Понятно, что такое имя может иметь не только значение единственного числа, но и другие значения, подобно тому как имя с аффиксом *-lar* передает не одно лишь значение множественности. Тем не менее, с формально-грамматической точки зрения имя с аффиксом *-lar* и без него противопоставлены друг другу как формы множественного и единственного числа.

Вызывают возражения случаи ничем неоправданного "уточнения" текста при переводе примеров. Ср.: *Hindustan fāth qyl'ān jyl*¹ "в год, когда [я] завоевал Хиндустан" (с. 76), *Hindustan(ni) fāth qyl'ān jyl* "год, когда над Хиндустаном [нами] была одержана победа" (с. 83). Г.Ф. Благова акцентирует внимание на "пропущенном действительном субъекте действия" и восстанавливает его. Однако в этом нет никакой необходимости. В центре внимания автора не "субъект действия", а время совершения события: "в год, когда был завоеван Хиндустан", или: "в год покорения Хиндустана". Иногда подобные "уточнения",

¹ Здесь и ниже сохранены особенности написаний Г.Ф. Благовой.

принципиально не изменяя смысла, несколько искажают стиль повествования. Ср.: *Sāṇār lāfzını Kabulğa kelganda ešitildi* "слово *сангар* [я] услышал, когда пришел в Кабул" (с. 84). Точнее было бы: "о слове *сангар* услышали, когда пришли в Кабул". Не следует забывать, что в древне- и старотюркских текстах важнейшим обстоятельством, предопределяющим использование страдательных форм глагола является "игнорирование" субъекта действия и выдвигание на первый план состояния или ситуации, в которой он находится. Здесь уместно воспроизвести то наименование, которое было дано форме страдательного залога средневековыми арабскими филологами, — *مجهول* букв. «неизвестный, неочевидный».

Не ясно, чем вызвано включение в монографию выборки общеизвестных тюркских слов (с. 198—218). Выборка не ориентирована на решение какой-либо поставленной автором задачи и, конечно, не дает представления о лексическом составе языка "Бабур-наме". Да и едва ли это было нужно: имеется несколько словарей староузбекского ("чагатайского") языка, в том числе большой четырехтомный словарь к произведениям Новой [Алишер Новой 1983—1985, I—IV], в которые полностью или почти полностью, вошла лексика сочинений Бабура. К сожалению, определение значений ряда слов в указанной выборке, опирающееся в частности на словарь Л. Будагова, не всегда является достаточно точным. *Atkā* не "отец-князь, глава семейства, старший в доме" (с. 198), а "наставник, воспитатель". *Mirzalarinḡ ḡārāmlari* не "гаремы мирз" (с. 201—202), а "жены мирз" (*mirzalarinḡ ana egači sinli wā ḡārāmlari* "матери, старшие и младшие сестры, жены мирз"). Для *ḡuralḡa* значение "туловище, часть человеческого тела выше поясицы" (с. 206) трудно допустимо. В староузбекском языке *ḡuralḡa* — "жаркое, спинная часть дичи, жаренная на вертеле". Среднемонгольское *ḡuralḡa* поддается членению на *ḡira* — "жарить" и *-lḡa* — аффикс отлагательного образования имен [Mostaert 1949; Eberhard 1948], ср.: *ḡiraxsan mixan* "мясо, жаренное на вертеле". *Qollar* не "холмы по скату горы, соединяющиеся со степью" (с. 207), а "высохшие русла рек", "балки", "горные долины". В староузбекских ("чагатайских") текстах *qollar*, как правило, противопоставляется словам *taḡlar* "горы", *puštalar*

"возвышенности, холмы". Ср.: *bu puštaların wā qolların tüzga ḡuqqač...* "когда вышли из возвышенностей и низин на равнину..." Слово *jasy* не "широкий" (с. 210), а "плоский". В староузбекском языке это, пожалуй, его единственное значение. *Jeṇā ~ jeṅā* — "жена старшего брата", но никак не "жена другого близкого родственника" (с. 210). *Čat-* (*čät-* — ошибочное написание) у Бабура не "задеть, зацепиться, столкнуться, наткнуться..." (с. 215), а "соединять, смыкать". *Qaš cat-* — "нахмурить, насупить брови". *Qap-* (с. 216) — "хватать (руками, зубами)", "кусать". В ряде тюркских языков *qap-* — "клевать (о рыбе)", но не "клевать (вообще)".

Критические замечания можно было бы продолжить, однако нет сомнений в том, что подготовлена и издана полезная и ценная книга и никакие замечания не повлияют на ее окончательную оценку, которая должна быть весьма высокой. Так называемая прагматика текста в исследовании дневниковых записей Бабура кажется рецензенту неоправданным излишеством, но это его частное мнение, и оно, возможно также будет воспринято критически. Что касается неточностей в переводе иллюстративного материала, то количество их невелико и они не столь значительны, чтобы помешать правильному пониманию оригинального текста или ввести специалистов-тюркологов в заблуждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алишер Навоий 1983—1985, I—IV — Алишер Новой асарлари тилининг изохли лугати, Тошкент, 1983 (I, II), 1984 (III), 1985 (IV).
- Грицев А. И. 1919 — О развитии революционных идей в России. Полное собрание сочинений. Т. VI. Петроград, 1919.
- Щербак А. М. 1969 — Сочинение Бабура арузе (Предварительное сообщение) // Народы Азии и Африки. 1969. № 5.
- Щербак А. М. 1983 — Рукописный сборник Оч. 8193 и его значение для узбекской филологии // Советская тюркология. 1983. № 3.
- Beveridge A. S. 1905 — The Baber-nama (Fac-simile). E. J. W. Gibb Memorial, V. 1. Leiden; L., 1905.
- Eberhard W. 1948 — Remarks in *ḡuralḡa* // Oriens. 1948. I, 2.
- Mostaert A. 1949 — À propos du mot *ḡuralḡa* de l'Histoire secrète des Mongols // Harvard journal of Asiatic studies, Cambridge (Mass.). 1949. 12, № 3—4.

А. М. Щербак